

Ирина ФОМЕНКОВА

ИСПОВЕДАЛЬНАЯ ЛИРИКА ЛЮДМИЛЫ ШЕВЧЕНКО

Я далека от научных основ литературоведения. Я пишу, как пишется, и дышу, как дышится. При этом хочется найти родственную душу, которая удивляется, как и я, восклицая: «Да Вы что?! В моих стихах романтические эпитеты?» И при этом удивлённо добавляю: «А я и не знала!» В этой кажущейся «наивности» скрывается очень интересное явление: сознание не осознаёт, а сердце и душа помнят...

Среди таких родственных душ я нашла Людмилу Шевченко.

Всё началось с того, что в гости пришёл старый знакомый любитель поэзии и показал затёрто-зачитанные листочки с переписанными от руки стихами.

– Посмотри! Как они тебе? Мы с друзьями переписываем друг у друга.

Прочитала, и на меня повеяло чем-то знакомым.

– Так это же наша Люда Шевченко! – обрадовалась я и побежала к книжным полкам, где собраны книги писателей с автографами. Точно! Это она!

И мы стали читать сборники стихов «Состояние души» и «Я здесь своя».

Сначала улыбнулись.

Я верю: недалёк тот час,
И стих бальзамом станет мой.
Излечит душу он,
Взойдёт звезда моя!..
Пусть кто-то говорит сейчас:
«Шевченко? Не слыхал такой».
Отвечу в скором будущем:
«Шевченко – это я!»

Мы листали страницу за страницей, и нас всё больше очаровывали её стихи.

Вымирают наши деревеньки,
Скоро некому в них будет жить.
На крыльце прогнившие ступеньки...
Кто же станет новые ложить?
(«Деревенька»)

Людмила Шевченко выросла в небольшой белорусской деревеньке Губинка, где был, как она пишет, «когда-то детский смех, привычный лай собак, хлебный квас домашний на столе». А теперь деревня вымирает, но определение «подгнившие», а не «прогнившие» ступеньки сохраняет надежду: «Может, всё же починят, и дом оживёт?» А дальше вопрос, не требующий ответа, облечённый в слово «ложить». Про ступеньки в народе только так и говорят...

Память поэта воспроизводит майский день, где «я ещё совсем девчонка... // Цветёт под окнами сирень, // и мать с отцом смеются звонко» («Ностальгия»). Может, кто-то скажет, что это слишком просто. Но это для нас вечное желание найти изъян, а для того, кто пишет, это ностальгия, прозрачная, хрупкая, лёгкая.

Большую часть своей взрослой жизни Людмила провела среди книг в библиотеке. Это было связано с её соответствующей профессией. Книги на неё дышали, они с ней говорили, звали, убеждали, что язык неистощим в соединеньях слов. Поэтому в её стихах порой чувствуешь подражание, но сразу вспоминаешь, что это один из творческих приёмов и что практически все писатели через это проходят. Послушайте с ней пенье птиц в стихотворении «Роща».

И мне казалось: лучше нет
Тех песен нежных, страстных.
Рождался молодой рассвет
Средь увертюр прекрасных.

На вас слегка «дышит» Фет или Тютчев... Ну и что? Зато есть всё: музыка слова, ритм, интонация. И это Людмила Шевченко.

А вот стихотворение «Старая пластинка». В нём замечательный поэтический приём – обрамление, возврат к главной изначальной мысли и пронзительная печаль в зачине и конце.

Старая пластинка дедовских времён...
И поёт с грустинкой наш аккордеон.
Льётся с диска мило простенький мотив...
Голову склонила мама, загрузив.

И вы слышите вместе с автором, как шурша и потрескивая, кружится пластинка, словно танцует и возвращаясь к мелодии припева. Отсюда и обрамление, рефрен.

Приём параллелизма в поэзии – это фактически ритмический повтор жизни. А Шевченко пишет: «Стихи зовут, терзают и волнуют, // и будоражат с ночи до утра. // Я слушаю стихи, стихи пишу я. // Настал мой звёздный час писать. Пора!» («О стихах»).

Есть в её романтической лирике какая-то особая исповедальность. Слова идут от сердца к сердцу.

Пока ты жив и я жива.
Друг другу будем непременно
Мы говорим любви слова
И вспоминать о сокровенном.
(«Пока мы рядом»)

Эпитеты, метафоры в её стихах создают свою картину, но не красуются, не любят себя собой. Они словно растворяются в настроении стиха.

Летний дождь прошелестел по крыше,
Травы напоил, умыл листву.

И как будто небо стало выше,
Расплескав бездонно синеву.
Так уютно, чисто и красиво!
Зонтик в сумочке через плечо.
Я сказала дождю: «Спасибо!»
Станет сухо – приходи ещё!
(«Дождь»)

Может, я бы что-то сделала в этом стихотворении по-другому, а кто-то тоже подумал по-своему, но тогда это была бы уже не Людмила Шевченко. И я мысленно прошу её: «Пиши женскую лирику! Ведь женская душа – эта всегда источник нового вдохновения».

